

Кероп Магакян

На сухумских парах

Сухум
Абгосиздат
2023

УДК 821.35
ББК 84(5Абх)6-5
М 12

Автор выражает искреннюю благодарность
Руслану Джопуа за поддержку и содействие в
издании этой книжки

Магакян, К. С.

М 12 На сухумских парах : стихотворения, рассказ /
Кероп Магакян. – Сухум : Абгосиздат, 2023. – 80 с.
Г/Р 978-5-122-03-01023

В книгу вошли стихотворения разных лет и
рассказ.

УДК 821.35
ББК 84(5Абх)6-5

© Магакян, К. С., 2023
© Абгосиздат, 2023

7

* * *

Я помню дом с обшарпанным двором,
На перекрестке Ленина с Лакоба,
Там прокурор соседствовал с вором,
И у жильцов в почете были оба...
Здесь иногда блаженничал Чума*,
Волнуя кошек звуками гитары,
Избыток чувств, при шаткости ума,
Заканчивался сбором стеклотары.
Я помню улаждающий буфет
На сквознячке веранды «Диоскурии»,
Еще я вспоминаю, «как канфет»,
Бодрящий чай буфетчика Кукури...
Я помню, как курортницы в сабо
Озвучивали пристань перед пляжем,
И помню глаз носильщика Габо,
Разгоряченный малым каботажем.
Я помню «Черноморца» суету,
Оправданную «Будваром» на складе,
И перемат, настоящий в спирту,
И безусловно поданный в «Прохладе».
А если здесь уместен эпилог,
Навеянный почтением к утратам,
То в памяти – азартный диалог
Сухумского «Динамо» с «Араратом».

* Чума – сухумский чудак.

УТРО СУХУМА

Залатанные плечи телогрейки
Обвили голуби признательным кольцом:
Крошил им хлеб у парковой скамейки
Седой старик с проклеванным лицом.
Чудной моряк в поношенной тельняшке
Упрямо шел, как флагман – впереди,
Рвала гитара струны нараспашку,
И стая чаек маялась в груди.
За ним брели крикливые цыганки,
Наперебой сбывая свой товар,
И табачок дымился спозаранку
В кофейне, где шаманил кофевар.
Уже костром потягивало с «Наарты»*,
Уже тянулись к морю старики,
Уже на стол выкладывались карты
И самокрутки грели мундштуки.
Уже «ду-шаш», на утренней пробежке,
Под кипарисом ввязывался в бой,
И разминались шахматные пешки,
И море просыпалось под приборой...

* Наарта – ресторан национальной кухни на набережной.

* * *

И закончится дождь,
и начнется сначала,
И умоет прибой
полусонный рассвет.
И раскурят друзья
разговор у причала,
Разведенный ленивым
дымком сигарет.
И безбрежной мечтой,
пробирающей душу,
Затоскует вдали
голубой горизонт.
Отмолчится душа
на кофейную гущу,
И покорно шагнет
под сыреющий зонт.

* * *

Смакует осень тротуары,
Истомой улицы ряда,
По лужам старого бульвара
Играет музыка дождя.
Играет ровно, без заминки,
Без дирижера и без слов.
И, как промокшие фламинго,
В кофейне зонтики столов.

* * *

Как постарели сухумчане!
Их на скамейке клонит в сон,
Зимой лодыжки греют в чане,
Весной не ходят без кальсон.
Уже в ребре не ищут беса,
Его изгнал радикулит,
Уже в окрестностях собеса
Внезапно сердце заболит.
Уже застолье все реже
Их манит шуткой тамады,
Они вдыхают побережье
И выдыхают: «Эй, гиды...»*.

* Эй, гиды... – так некоторые старики-сухумчане выражают сожаление о безвозвратно ушедшей молодости.

* * *

По столикам кофейни
Стучит зелеными глазами босоногий цыганенок:
Набрасывает обручи из дыма
На талии смеющихся курортниц –
Сезонных нарушительниц покоя.
Опять пошел к воде седой ворчун,
Зажав в ладони теплое пшено:
Нагнулся у соленой пены – кормит море.
Пронзительный сигнал
Поднял фотографа, дремавшего на стуле,
И на невесту брошью села «птичка» –
Незванный персонаж спектакля у фонтана,
И первое пятно на подвенечном платье...
Не опуская занавес,
Оставим все, как есть, на этой сцене...

* * *

Как хочется, слоняясь в жаркий день,
Довериться назойливому лету.
Задуматься на собственную тень,
Спросить в киоске свежую газету...

Как хочется мечтательный табак
Курить на табуретке кофевара,
И в окруженьи уличных собак
Взирать на декорацию бульвара.

Здесь помнятся былые времена,
Когда столы под скрипку накрывали,
Здесь призраками бродят имена,
Которые уже позабывали...

Здесь никогда не действовал указ,
Препятствующий делу винодела,
Здесь «летний» был задействован «Кавказ»*,
И «зимний» не простаивал без дела.

Здесь возвышался голос тамады
Над всеми голосами ресторана,
И музыка, звуча на все лады,
Не соль, а сахар сыпала на раны.

* «Летний» и «зимний» «Кавказ» – ресторанчики в окрестностях набережной.

Здесь вечером считали свой доход
Заезжие и наши музыканты,
И швартовался белый пароход,
Пыхтя трубой с краснополосым кантом.

И все дороги к берегу вели,
И эвкалиптом веяла прохлада,
И горизонт оранжевый вдали
Не отводил восторженного взгляда.

АМРА

На перестроечных этапах,
Не задержавшихся в стране,
Удерживая кофе запах,
Держалась «Амра» в стороне.

Крепилась символом столицы
На риск и собственный свой страх,
Не изменяя нашим лицам
На переменчивых ветрах.

Какие шли тут разговоры!
Какая соль таилась в них!
Сюда на холст сходили горы,
Здесь восходил упрямый стих!

Шанава! Шенгелая! Тужба!
Папава! Гельбах! Котляров!
Их кофе крепок был, как дружба,
И «Амра» всем давала кров.

Теперь я сам, как часть столицы,
Креплюсь под кофе, в перекур...
Где – «Ба! Знакомые все лица!»
Анзор, Леварса, ты, Даур!

Иных уж нет... Другие вроде
Перепоручены дворам...
И «Амра» отдана ветрам,
Как грязный жупел в огороде.

СУХУМСКИЙ РЫНОК

На запах зелени нарядный,
Под блеск лиловых баклажан,
Проснулся рынок многорядный,
Расталкивая горожан.
Они и сами лезть готовы
Туда, где царствует хурма,
Где громоздится ряд фруктовый,
Где взор гурманит бастурма.
Где строит глазки барабуля,
То замирая, то дрожа,
У несговорчивой бабули
На грозном лезвии ножа.
Где наряду со специй шиком,
Такой душистой остротой
Острит абхазская аджика
Со всей крестьянской прямотой.
Где местная копченость сыра
И аппетитный вид турши
«Танцуют» всех курортниц мира
В СТРАНЕ распахнутой ДУШИ.

ХАМСА

Как-будто высохли все реки,
И погорели все леса –
Так сильно взволновались греки:
«В Сухуме кончилась хамса!»
«Всю рыбу выловили турки!
Ищите в сейнере товар», –
Помешивая кофе в турке,
Бурчал армянский кофевар.

ПОХВАЛА ПАХЛАВЕ

(или советы армянской хозяйке)

Там, где раскатывают тесто
В прозрачный и воздушный слой,
Там у армян святое место:
Там пахнет теплой пахлавой.

Надев видавший виды фартук,
Не экономь и не спеши,
А по рецепту из Урарту
Орехи к меду кроши.

Пускай и опыт, и смекалка
Тебе давно уже под стать,
Но лишь прабабушкина скалка
Поможет тесто раскатать.

Намажешь слой топленным маслом,
Берись за следующий слой,
Следи, чтоб печка не погасла,
Армянской думай головой!

И чтоб внизу не подгорело,
И чтоб сырою не подать,
Спечь пахлаву – святое дело!
А дело надо оправдать.

А если подведет сноровка,
То подскажу тебе тайком:
Сноровку красит сервировка,
И черный кофе с коньяком.

И знай, что правильные гости
С собой приносят похвалу,
И восхваляют пахлаву,
По нардам разметая кости!

БРОДЯГА

Облюбовав тенек и лавочку,
Бродяга сел невдалеке,
Лицо и туфельки вразвалочку,
Авоська синяя в руке.
Сидит себе, как гость непрощеный,
Лишь неба веря куполам,
Своей страной когда-то брошенный,
Ломает хлеб напополам,
И опрокидывает чарочку,
Да что-то чарочка слаба...
А сигарет всего-то парочка,
И те помяты, как судьба.
Лишь рыжий кот к нему ласкается,
И помышляет о еде,
И старый пес за ним таскается,
Признав собрата по беде.

МАРТОВСКАЯ ЗАХУРМА

Поддавшись всем соблазнам марта,
Понизив мысли до строки,
Хочу на улицах Монмартра
Просить француженки руки.
Хочу в гареме Эль-Хубара
Подмять подушки под бока,
Хочу в Мадриде, выйдя с бара,
Сразить свирепого быка.
Хочу на Кубе крикнуть: «Вива!»
И дым сигар посмаковать,
А в самом центре Тель-Авива
Хочу «немножко торговать...»
Хочу остаться на Карибах
Без GPS и без газет,
И наловить заморских рыбок,
И на туристок поглазеть.
Наедине остаться с ленью
Хочу в Сибири на печи,
И чтоб «по щучьему веленью»
Мне подносили бы харчи.
Хочу столкнуться при okazji
С тибетской ясностью ума,
А опьянеть хочу в Абхазии,
Когда там царствует хурма!

ГДЕ ПАРАД?

Где вкус того рахат-лукума
Из эсэсэсэровских времен?
Где дух тогдашнего Сухума?
Где шлейф от знаковых имен?
Где поливальные машины?
При ком метла? При чем узбек?
Где сильно пьющие мужчины?
Где винно-водочный забег?
Куда девались чангалисты?
Где ткани, что из-под полы?
Где Симонян? Где футболисты?
Где угловые? Где голы?
А где носильщики вокзала?
И где вообще ж/д вокзал?
Где спекулянт у кинозала,
С двойным билетом в кинозал?
Где все курортницы в колоре?
Где субтропический кураж?
Где скрипки на фуникулере?
Где пароход? Где экипаж?
Где часовщик, что на проспекте?
Где катер «Кяхба Хаджарат»?
Где те евреи, что в респекте?
Где серп?
Где молот?
Где парад?

ПЕСЕНКА ПРО СУХУМСКУЮ ПОХОДКУ

Когда спешишь на утреннюю сходку,
В «Брехаловку» шагая прямым,
Держи всегда сухумскую походку,
Тогда и кофе будет с каймаком!

Тогда с тобой за столиком кофейни,
Будь ты писатель или прокурор,
И уркаган поботает по фене,
И депутат поддержит разговор.

Неважно с кем беседу ты заводишь,
А важно, как в «Брехаловку» идешь!
Походку покажи, когда подходишь,
По ходу собрехаловца найдешь.

А выпьешь с ним хоть сто, хоть триста граммов –
Ты на ногах! Ты крепок, как гранит!
Тебя охранней всех охранных грамот
Сухумская походка сохранит.

Короче, если ты сухумский житель
И не обходишь берег стороной,
Носи походку, как отцовский китель,
(Придерживая руки за спиной...)

А час придет, на чашу пред Всевышним
Ни званья, ни награды, ни стихи!
Походку покажи – не будет лишним, –
Быть может, и простит тебе грехи.

* * *

В краю, где море с чайками на «ты»,
Где пристани пропахли рыбаками,
Где кофевар шаманит у плиты
И кипарисы спорят с облаками,
Где осень разбавляется мачаром,
А лето липнет стаями медуз,
Где лавролист, густься над тротуаром,
Дает себя попробовать на вкус...
Где утомленный, с горною рекой,
Как со строкой, искал уединения –
Душе моей откликнется покой
И сердцу отзовется утешение.

2

ДАВАЙТЕ ВСПОМНИМ ФАЗИЛЯ!

Давайте вспомним Фазиля,
И изабеллу выпьем стоя!
Многоголосое застолье
Чегемской шуткой веселя.
Быть может, и Фазиль, шутя,
Надежды знак даруя свыше,
Заверит, что и ТАМ он пишет,
Цигаркой крепкою пыхтя...

* * *

У мамалыжного котла
Уснула старая абхазка,
Висела рядом перца связка
Над темным деревом стола.
Она уснула на века,
Очаг собою согревая,
И жизнь ему передавая,
Тянулась к пламени рука.

ТКВАРЧЕЛЬСКИЙ ДВОР

В печурке домика Ткварчели
Горели детские качели,
Но холод плачем рвался из пеленок.

Голодный пес терзал луну,
Но лишь обгладывал слюну,
И плакал, как некормленный ребенок.

А во дворе стоял старик,
В гортани сдерживая крик,
И подпирал свой дом студеным взором.

И за верандой, в стороне,
Лоза, мечтая о вине,
Печалилась, повиснув над забором.

МЫ ВЕРНЕМСЯ СЮДА

Мы вернемся сюда, задыхаясь от горя,
Будет небо навзрыд, будет воздух распорот...
Упадет нам на грудь безутешное море
И оплаканный чайками город.

Мы вернемся сюда, к нашим скорбным домам,
У покинутых стен стиснем зубы и вены,
А молебные руки измученных мам
Будут греть отсыревшие стены.

Мы вернемся сюда, и зажженные свечи
Понесем, как сердца, на могилы ребят,
И ударит гроза, и расправит нам плечи,
И умоет ореховый сад...

ПАРК СЛАВЫ

Здесь стали в строй и имена и даты,
И здесь в одном ряду боец с бойцом,
Вот так же и к победе шли солдаты:
Плечом к плечу и с праведным лицом.

И не награды, почести и слава
Их подвигали на последний штурм,
А гордость гор, и моря вольный шторм,
И соколиный профиль ВЛАДИСЛАВА.

* * *

А если летопись веков
На твой вопрос не даст ответа –
Спроси у наших стариков,
Предрасположенных к совету.

Им многолетье нипочем,
Где каждый год трудами добыт:
Подставят твердое плечо,
Как тост, передадут свой опыт.

И приоткроют, не тая,
Все то, что в них укоренилось,
Они во времени стоят,
И время их не накренилось.

Они давно не по часам
Сверяют правильное время,
А по закрученным усам,
Когда ногою входят в стремя.

* * *

Безропотна заснеженная тишь:
Лишь падают обветренные хлопья,
И старый город, словно исподлобья,
Нахмурясь смотрит из-под белых крыш.

На темном и безлюдном берегу
Опустошенны стали расстояния,
И даже след, оставленный в снегу,
Не подтвердит свое существование.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АВГУСТ

Сушили панцири улитки
В просторе летнего двора,
На зов запахнутой калитки
К нам выбегала детвора.
Здесь принимали как своих,
И мы, вселяясь деловито,
Свое «разбитое корыто»
Опять латали – на двоих.
И море, не жалея соли,
Смывало с нас незримый груз,
И стебли жарких кукуруз
Ловили воздух в знойном поле.

* * *

И с размаху хлестнет по щеке
 заблудившийся ливень,
И в сырое лицо бросит ветер
 свое полотенце,
И открытая дверь наиграет
 струной виолончели,
И сломается тень о порог
 опустевшего дома,
И падут со стены крылья птиц,
 ожидавших когда-то...

СОНЕТ НА СОН

Пускай мой слог не заковырист,
Зато он виден за версту:
Он выдан мне, как френч на вырост,
И я его перерасту!
Тогда и станет мне наградой
Не пустозвонная медаль,
А дождь по листьям винограда,
И гром, раскинувшийся вдаль,
И сны, нагрянувшие вдруг
Из громогласного ненастья,
И мама, громкая, как Счастье,
В кругу смеющихся подруг,
И я присяду в этот круг
У сновидения во власти.

У ЖИВОПИСЦА В МАСТЕРСКОЙ

Просторный холст, сырой и мрачный,
Томил зеленою тоской,
И дул сквозняк – жилец чердачный
У живописца в мастерской.
И лишь глоток вина из фляги
Взбодрил все краски полотна:
Одним мазком желанной влаги
Уравновешены тона!

АРТВИНСКАЯ КРОВАТЬ

Стоит артвинская кровать
В углу артвинского сарая,
Заброшенная и сырая,
Грустит артвинская кровать.
Уже пружины не скрипят
Под сном артвинцев и артвинок,
И набалдашники от спинок
Тоскливо в стороны глядят.
Они давно к себе зовут
Оберегающие руки,
И в них по-прежнему живут
Зурны серебряные звуки.
Далекий голос сазандара*
Напомнит доброго отца,
И мать, несущую с базара,
Как груз, испарины лица.
Журчит артвинский разговор,
Многоголосое наречье!
Бурлит Чорох, со склона гор
Спускаются стада овецьи.
Поет пастушья свирель,
И песня первой колыбели
Доносит бархатную трель
До сна младенческой постели.

*Сазандар – народный музыкант.

ГОХТ *

Между Гегардом и Гарни**
Есть Гохт, задуманный горами,
Там только спичкою чиркани –
Уже бегут за шампурами.
Там нет костра без шашлыков
И без проворного соседа,
Там, по традиции веков,
На углях зиждется беседа.
Там по дороге, вниз к реке,
Пропахнешь шерстью и тандыром,
И захрустит лаваш в руке
В обнимку с деревенским сыром.
Потом туда, где храм в скале,
Уже беспечный и беспутный,
Умчишься с первой попутной,
Сразив тутовку на столе.
А ночью, хмель переборов,
Как неудобную подушку,
Ответишь другу: «Жив-здоров...»,
И засыпаешь под кукушку.

*Гохт – село в Армении.

** Гегард и Гарни – монастырь и храм в Армении с одноименными поселениями.

ПАМЯТИ ВЫСОЦКОГО

Когда гитару брал он в руки
И зажимал на ней струну,
Он под гитару на поруки
Брал необъятную страну.

Одно лишь слово, словно плеть,
Порой подстегивало совесть,
В одну строку вмещалась повесть,
Тогда, когда давали петь.

Но только струны он разжал,
Его страна от рук отбилась:
Помаялась и развалилась –
Не дотянул, не удержал...

Так пусть хоть в яблочном раю,
Хоть на краю, где жил он между...
Вещает птица Гамаюн
И подает ему надежду.

АБРЕК ДЖО

*(Вольный перевод песни
Джимми Хендрикса «HEY, JOE!»)*

HEY, JOE! Куда плетешься с пушкой,
Ремень от злости тебе?
Кого собрался взять на мушку?
Что взбудоражило тебя?

Хочу найти свою старуху,
Похоже, ставит мне рога,
Прихлопну, словно в баре муху,
И по проторенной – в бега!

HEY, JOE! Шериф заводит дело,
Поставил на уши УГРО...
Вчера в реке нашли два тела,
В одном торчит твое перо.

Не скрою, я пришил придурка,
И со старухой счеты свел,
Приговорил ее, как Мурку,
Аж до утра дымился ствол.

HEY, JOE! Скажу тебе, как другу,
Твои проделки с запашком,
Возьми надежную подругу
И дуйте в Мексику пешком.

В бега не стану бабу брать я,
Уж лучше чачу и чурек...
Не поминайте лихом братья,
Абрек и в Мексике абрек!

3

Рисунок Александра Казаряна

СУБТРОПИЧЕСКИЙ РОМАН

Часть первая

Такой бландинка видел летом –
Бил неприступный, как скала.
Тогда я в новый штибилетом
Пошел гулять Сухум-Кала.
Рука с блестящий партсигаром,
Фисташный брюки на заказ,
Фуражка летний от загаром,
Гуляю берег напоказ.
А вечер, вибритый с кампрессом
У парикмахер Карапет,
Уже из женский интересом,
Сижу на теплый парапет.
Держу кавказский свой фигура,
Рубашка – чистый из нейлон,
И этот неприступный дура
Мине знакомится с паклон.
Свой жизни много повидался,
За слово тоже отвечал...
Такой заход не ожидался,
Как раз здоровье подкачал...
Немножко геморой имею,
Лекарство буду заварить,
По-русски тоже не умею,
С бландинка надо говорить...

Тогда беру ему на лодка,
На два рука держу весло,
Один бутылка выпил водка,
И песня пел про свой село.
Бил это песня два куплета,
Слова хороший тоже бил...
Но очень жаркий било лето –
Один куплет вообще забил.
Тогда весла бросаю вольны,
Иду на «Танец тамада»,
Бландинка бил немножко польный,
Из лодка падал на вода.
Такой попался положенье,
Сейчас не буду рассказать,
Вообще, кавказский уваженье
Хотел бландинка оказать.
Когда бландинка намочился,
Стал неприступный, как скала.
Такой беда мне случился,
Когда я жил Сухум-Кала.

Часть вторая

Прошел почти один неделя,
Бландинка снова повстречал.
Один к тебе имею дело –
Так разговор он свой начал...
Ты покатал меня на лодка,
Теперь мне не обижай,
Засол домашний есть селедка,
Мой Мурманск тоже приезжай.
Возьми билет на тэбервали,
Закуска, выпивка найдем,
Поедем сразу к тетя Вали,
Сказал, что баня там пойдем.
Короче, так договорился...
Чурчхела, чача тоже взял,
Февраль у Карапет побрился
И сразу ехал на вокзал.
Для Мурманск покупал обновка,
Дорога надо туалет...
Закритый каждый остановка,
Зачем мне такой сто лет!
Опять попался положенье –
Сейчас не буду рассказать...
В обновка, новый уваженье
Хотел бландинка оказать.
Короче, кое-как доехаль,
Замерз, как-будто на Урал...

Когда вокзал уже приехал,
Гармошка где-то заиграл.
Имел волнение немножко,
У проводник просил води,
Смотрю – бландинка на гармошка
Дает мне алаверды...
Из поезд вышел, как картинка,
Бландинка – красный сапоги,
Танцую на перон лезгинка,
Сказал, что сумка, помоги...
От Мурманск ехали на лошадь,
Все время надо бил овес,
Бландинка не имел жилплощадь
И сразу к тетя Валя вез.
Немножко чача выпивали,
Дорога било весело,
Потом уже у тетя Вали
Бландинка пел про свой село.
Потом я с веник шел парилка,
Скакал сугроби на река,
Потом сосед принес горилка
(Наколка – якорь на рука).
На русский печка грелся кошка,
Бландинка мутный стал глаза,
А я зима смотрел окошко
И вспоминал родной лоза...
Ее закручены узоры,
Как бакенбарды Карапет,

Потом светил полярный зори,
А я харчо хотел обед.
Потом запрятался в подвале,
Чтоб даже кошка не нашел,
Потом прощался с тетя Вали
И сразу на вокзал пошел.
Полярный звездочка светился
На мой несчастный голова.
Вот так я Мурманск очутился,
Какой здесь может быть слова...

4

НА СУХУМСКИХ ПАРАХ

Городская быль

Эту историю лучше было бы рассказать сидя за столиком верхнего яруса сухумской «Амры». Прошлое здесь особенно хорошо вспоминается. Однажды я поднялся сюда, прихватив с собой распечатанную из интернета фотографию, отснятую на «Амре» более пятидесяти лет тому назад. Даже металлические перила «Амры» с изображением чугунного якоря видны. Правда, не видно чугунных чаек, тоже встроенных в конструкцию перил, и, по сути, в пространство, где и без того над головой круглый год летают живые чайки. В этой связи вспоминается, как один мой знакомый в Крыму купил квартиру, сделал в ней дорогой ремонт и, как говорят, все обставил. Из окон его спальни открывался вид на знаменитый Аю-Даг (Медведь-гору). Прекрасный был вид, чего же еще надо... Но знакомый решил усилить впечатление от этого вида и попросил художника нарисовать ему еще и большую картину с изображением Медведь-горы. Когда картина была готова, он повесил ее в спальне над изголовьем кровати, прямо напротив настоящей Медведь-горы, вид на которую открывался из окна спальни.

– Согласись, что так более гармонично, – обратился он ко мне.

Согласившись, я посоветовал ему для пушей гармонии повесить рядом с картиной еще и русскую гармонь...

Оценив шутку положительно, знакомый рассмеялся. Однако не будем отвлекаться по мелочам, а лучше еще раз взглянем на фотоснимок. А на снимке, по обе стороны большой пристани, что напротив «Амры», запечатлены два восточногерманских круизных лайнера – «VOLKERFREUNDSHAFT» на переднем плане и «FRITZ HECKERT» на заднем. Так уж им выпало по расписанию, что в один из дней оба лайнера встретились в сухумской бухте, хотя, как правило, они заходили в нашу бухту, не пересекаясь друг с другом. А может быть, эта редкая фотография была сделана капитаном того самого теплохода, которому и было суждено, выйдя однажды из нашей субтропической гавани, попасть в завязку больших политических событий по пути в Гавану... Повторюсь, наверно, эту историю лучше было бы рассказать, сидя на «Амре», которой и самой есть что нам напомнить и о чем рассказать, но кто знает, когда такой случай представится, а если и представится, кто знает, дослушает ли тебя до конца тот, с кем ты окажешься в это время за одним столиком. Возьмет и перебьет на полуслове. Иди ищи себе потом другого собеседника. А так никто не перебьет... В крайнем случае, не дочитает до конца. Может быть, человек, прочи-

тав заголовок, настроился совсем на другую историю. Разные люди попадают. «Всякий бывает...» – шутила в таких случаях моя мама, русская женщина родом из Украины.

Немецкие суда «FRITZ HECKERT» или «VOLKERFREUNDSHAFT», с туристами на борту заходили в сухумскую бухту нечасто, но когда заходили, наши зарубежные гости на автобусах уезжали на экскурсию, а капитаны судов выходили просто прогуляться по набережной.

Мой дядя, сухумский адвокат, тоже любил прогуляться по набережной. В то время он имел немецкую разборную парусную яхточку – швертбот «DELPHIN-110», которую привез из ГДР, путешествуя с сухумскими и московскими друзьями на нескольких автомобилях «Волга» ГАЗ-21 по странам социалистического содружества. Изучив малокаботажные возможности своей парусной лодки с помощью время от времени навещавшего Абхазию и заходившего к нам домой на чашечку кофе легендарного чемпиона Олимпийских игр по парусному спорту Тимира Пинегина, дядя, знавший немецкий язык, каким-то образом познакомился на набережной с капитанами обоих немецких пассажирских лайнеров, судоходные возможности которых выходили далеко за пределы малого каботаж. И когда какой-либо из двух лайнеров причаливал к сухумской пристани, на площади, носящей сегодня имя второго прези-

дента Абхазии Сергея Васильевича Багапш, того или иного капитана зачастую встречал мой дядя, сидевший за рулем 21-й «Волги» цвета морской волны, как и было записано в техпаспорте автомобиля. А так как на сиденья «Волги» были надеты чехлы из парусины, то можно сказать, что цвет автомобиля и его внутренний интерьер создавали для немецких капитанов плавный переход от привычной морской обстановки к возможным береговым неожиданностям.

Автомобиль ГАЗ-21 был с автоматической коробкой передач (!), а дядя был в сандалиях на босу ногу, правда, не знаю, насколько это усиливает сюжет. Возможно, в данном случае и не усиливает, но был и другой случай, когда одна реплика относительно дядиных сандалий на босу ногу послужила поводом для корректировки им вступительной части адвокатской речи.

В один из будних дней, после утренней прогулки на своей яхточке, дядя в сандалиях на босу ногу отправился на дневное судебное заседание. Когда дело дошло до выступления дяди, судья, увидев, что адвокат собирается выступать в сандалиях на босу ногу, не сдержался и обратился к нему:

– Товарищ адвокат! Вы, явившись на судебное заседание в сандалиях на босу ногу, проявляете неуважение к суду!

Дав дяде повод для разминки перед основным выступлением, в ответ судья услышал:

– Уважаемый товарищ судья! Если бы мое уважение к суду определялось тем, как я оделся, на некоторые судебные заседания я бы вообще приходил без одежды.

Так вот... Встретившись с каким-либо капитаном, дядя, управлявший автомобилем, каждый раз возил его на Сухумскую гору и они, обзрев бухту с высоты, заезжали потом на чашечку кофе к нам домой на улицу Ленина, 39. Можно предположить, что именно по той причине, что общение дяди с немецкими капитанами происходило на улице, носящей имя Ленина, безобидность их встреч не вызвала сомнений у компетентных органов, призванных по роду своей деятельности обеспечивать такую безобидность. Как бы там ни было, но после встреч с немецкими капитанами, дядю никто, никогда и никуда не вызывал. Скорее всего, товарищи из компетентных органов, зная, что название теплохода «FRITZ HECHERT» это имя известного немецкого коммуниста, а название «VOLKERFREUNDSHAFT» с немецкого языка переводится как «ДРУЖБА НАРОДОВ», понимали, что немецкие товарищи не назначили бы неблагонадежных людей капитанами судов с такими названиями. Оправдывая это предположение, как и известную поговорку «Как корабль назовешь...», пассажирский лайнер «ДРУЖБА НАРОДОВ» однажды, осенним вечером 1962 года, отчалив от сухумской пристани, благополучно

дошел до берегов Кубы, что в то тревожное время, в связи с Карибским кризисом, было практически невозможно.

А осенью 1962 года немецкий лайнер «ДРУЖБА НАРОДОВ» бросил якорь в сухумской бухте, после чего капитан, завершив все необходимые процедуры, в том числе и связанные с пограничным контролем, спустился по трапу и вышел на набережную. Убедившись в том, что на этот раз дядя его не встречает, капитан, неплохо ориентируясь в окрестностях, решил пройтись до дома своего приятеля и пошел по набережной в сторону гостиницы «Абхазия», свернув потом налево на улицу Ленина. Капитан, конечно, не знал, что дядя несколько дней тому назад уехал в Москву навестить своих московских друзей, с некоторыми из которых учился в середине сороковых годов в институте. Со слов дяди, его сокурсником по Всесоюзному юридическому заочному институту был будущий советский разведчик Конон Молодой, и, как сокурсник будущего разведчика, дядя, скорее всего, был в курсе различного рода приемов конспирации, однако при встречах с капитанами никогда их не применял. А в семидесятых годах к дяде домой пришел еще один интересный человек, получая информацию (или дезинформацию) от которого различные «голоса», в те времена пробивавшиеся до нас через глушилки из радиоприемников, предвосхища-

ли последующий комментарий словами: «Как стало нам известно из хорошо осведомленного источника...» Этот человек, хотя и шел по жизни особым путем, но к дяде пришел тем же «ленинским путем», что и капитан теплохода «ДРУЖБА НАРОДОВ», свернувший с набережной на улицу Ленина. Звали этого человека Виктор Луи. В 2009 году о нем был снят российский художественный фильм под названием «Осведомленный источник в Москве». В семидесятых годах Виктор Луи решил построить себе дом на сухумском побережье, и в качестве юриста по жилищным вопросам ему порекомендовал дядю один из московских дядиных друзей – бородатый искусствовед, преподававший историю искусств и историю костюма в Щукинском театральном училище – Борис Ионыч Бродский, фотография которого в турецкой феске и с надписью «ПАПА» появляется в кадре фильма «Двенадцать стульев» режисера Марка Захарова как раз в тот момент, когда Бендер говорит, что его папа был турецкоподданный. Интересно, что сначала к дяде, как к адвокату, пришел не сам Виктор Луи, а внешне похожий на него человек, представившийся Виктором Луи. Они поговорили, выпили кофе и тот ушел. А через день, «выйдя из конспирации», к дяде пришел уже сам Виктор Луи. Они тоже поговорили, тоже выпили кофе, но после разговора с Виктором Луи дядя порекомендовал ему другого сухумского адвоката.

Последовав совету дяди, Виктор Луи познакомился с другим сухумским адвокатом и вскоре построил себе красивый и современный по тем временам дом в районе Маяка у самого моря и с бассейном во дворе. Говорили, что этот бассейн каким-то образом наполнялся морской водой, что отчасти напоминает порыв моего крымского знакомого с его картиной «Медведь-гора», усиливающей, по его мнению, впечатление от настоящей Медведь-горы, вид на которую открывался из спальни знакомого.

Я никогда не спрашивал у дяди, почему он не взялся посодействовать Виктору Луи в его деле. Возможно, дядя посчитал, что осведомленность источника, на которую тогда ссылались различные «голоса», не всегда предполагала точность переданной этим источником информации, и здесь Виктор Луи мог, по профессиональной привычке, довести до адвоката немного искаженную информацию о некоторых деталях, искажение которых могло в свою очередь повлиять на дальнейшие доверительные отношения сторон. А дядя всегда был сторонником доверительных отношений. Сейчас я сожалею и о том, что я не спрашивал у дяди, как он познакомился с Борисом Ионычем Бродским, человеком неординарным, в том числе судя и по опубликованным о нем воспоминаниям многих известных советских актеров. Источник одного из таких воспоминаний, актер Владимир

Этуш, который, оказывается, был однополчанином Бориса Ионыча на фронте. Как вспоминал Владимир Этуш, на войне командование, узнав, что Борис Ионыч неплохо рисует портреты, поручило ему нарисовать портрет Сталина. Взявшись за работу, Борис Ионыч несколько раз обращался к командиру с просьбой выдать ему для работы несколько литров молока ввиду того, что белила, которым нужно загрунтовать полотно, некачественные, и если их не смешать с молоком, портрет вождя может получиться плохо. Получая молоко, Борис Ионыч использовал его по прямому назначению, но в один момент с выдачей молока произошла задержка. Тогда Борис Ионыч доложил командиру, что у него сломался подрамник, а клей очень плохой, не держит. Клей нужно с чем-то смешать, и для этой цели лучше всего подошел бы творог...

Но вернемся к немецкому капитану. Расслабившись от бархатного сухумского воздуха и ничего не подозревая о подстерегающей его береговой неожиданности, капитан подошел к дому на улице Ленина, 39. У дома стояла «Волга», на которой в отсутствии дяди, а нередко и в других случаях, ездил мой отец. Будучи в некоторых вещах человеком ленивым по складу своего характера, отец очень любил этот автомобиль с автоматической коробкой передач, имевшим,

соответственно, не три, а две педали. Отец вообще не любил лишних вещей и по этой же причине, если автомобиль на время оставался в его распоряжении, он снимал с сидений парусиновые чехлы, такие же по его мнению лишние, как и третья педаль. Сиденья автомобиля были частично сделаны из кожзаменителя, а так как отец по работе имел отношение к сухумскому кожкомбинату, то обивка сидений, сделанная пусть даже не из натуральной кожи, а из кожзаменителя, хотя и не нравилась ему, но все же была ближе, чем чехлы из парусины. Во всяком случае, мобилизовывала на предстоящую работу с настоящей кожей. Эх, если бы капитан не так сильно расслабился от бархатного сухумского воздуха, он может и обратил бы внимание на отсутствие парусиновых чехлов как предупреждение о том, что на этот раз плавного перехода от привычной морской обстановки к возможным береговым неожиданностям не будет. Но он не обратил на это внимание и позвонил в парадную дверь дома. И отец ему открыл... Последующие события вкладывают в эту фразу особый смысл.

Отец слыл в городе большим весельчаком и острословом. Он хорошо играл на пианино, хорошо играл в бильярд, любил армянский коньяк и не любил «лишний разговор...» Он, конечно, знал о приятельских отношениях брата с немецкими

капитанами, но никогда не принимал участия в их разговорах за чашечкой кофе. Во-первых, потому что не знал немецкого языка, а во-вторых, потому что считал, что уж если ты привел человека домой, а разговор с ним ведешь только за чашечкой кофе, то это как раз и есть «лишний разговор». Короче говоря, капитан «ДРУЖБЫ НАРОДОВ» зашел в дом и за два часа, проведенных с отцом под армянский коньячок, перед каждым чоканьем рюмками на очередное отцовское «Гоп черкес!» на смелом русском языке отвечал: «Вира веселей!» Этот застольный и межзастольный переключ в некоторых сухумских кругах того времени означал не только то, что данное застолье проходит по плану, но и то, что в принципе все в порядке, звуча как пароль и отзыв. В этом смысле можно сказать, что, в отличие от дяди, мой отец, попадая в хорошо сервированное окружение, правила конспирации соблюдал и всегда использовал этот пароль при выходе на связь со своим постоянным связным и неразлучным другом Фиридуном Искандером, старшим братом писателя Фазиля Искандера.

Между моим отцом и дядей вообще были большие отличия. Например, оба они играли на пианино, но репертуар у них был абсолютно разный. Отец, как правило, предпочитал ресторанный репертуар тех времен: «Ландыши», «Песня первой любви» Рашида Бейбутова, армянские мелодии,

ну и «Мурку», конечно, для соответствующей компании. Игра же дяди чем-то напоминала стиль джазового пианиста Эрл Гарнера. Более поздняя, молодежная музыка типа «Битлз» его не интересовала. В день, когда умер Элвис Пресли, дядя красил дворовую калитку в черный цвет. Так совпало. Запыхавшись, ко мне прибежал мой друг по музыкальным предпочтениям и увидев дядю, красившего калитку в черный цвет, с подобающей горестнику печалью на лице, но достаточно громко сообщил ему:

– Дядя Лазарь! Дядя Лазарь! Умер Элвис Пресли, король рок-н-ролла, кумир западной молодежи!

– Кто бы мог подумать... – очень тихо сказал дядя, не отвлекаясь от работы и продолжая красить калитку. Он только это сказал. Может быть, хотел еще что-то сказать... Но не сказал.

В детстве я увидел, как дядя в «Массандре» стоит в очереди в столовую с подносом в руке. Эту картинку я пытался перенести на отца, представляя его на месте дяди. Отца в «Массандре» я еще мог представить, но когда дело доходило до столовой и подноса, отец куда-то исчезал и больше не появлялся. Сейчас я понимаю, что такая замена персонажей в столовой у меня не получалась потому, что с образом отца были связаны совсем другие декорации. Помню отца на открытой веранде ресторанчика гостиницы на озере Рица,

красный глассер, ожидающий его внизу, белоснежная скатерть на столе, нарезанные дольки пахучего лимона, выстроившиеся один за другим на блюдечке, как солдатики, ожидающие своего трехзвездочного командира, и поданная в тарталетке черная, но по виду скорее сероватая, как бы немного прозрачная икра, запах которой для меня, ребенка, был нов и как-то непонятен.

– Умру, запах искать будете, – сказал тогда отец, показывая в сторону икры.

Вот и сейчас, сохраняя привычную для себя декорацию за столом, в элемент которой, как реинкарнация красного глассера с озера Рица, входил капитан восточногерманского теплохода, скорее всего коммунист, отец принимал гостя как положено. Помню, как отец позвал тогда меня, семилетнего мальчика, играющего во дворе, познакомиться с немцем. С интересом, но с некоторым, оправданным по фильмам того времени недоверием к немцам я забежал в комнату, чтобы увидеть настоящего немца, оказавшегося в нашем доме. Тогда я очень удивился тому, что на немце не было каски. Не знаю, от коньяка ли, или от природы, но немец показался мне слишком розовощеким, что придавало его лицу некоторую самодовольность, напомнившую самодовольность дядьки из фильма Сергея Бондарчука «Сережа», дядьки, угостившего мальчика конфеткой, внутри обертки которой конфетки не оказалось, что

очень развеселило тогда этого дядьку. Каким-то родительским чутьем отец почувствовал тогда мое волнение и достал для меня из вазочки, стоящей на столе, настоящую московскую конфету «Мишка косолапый», после чего я, схватив конфету, снова побежал во двор. Несколько раз я забежал со двора в дом в надежде на то, что немецкую каску немец все-таки откуда-то вытащит и наденет. Но тот не надевал, хотя по всем признакам должен был надеть, потому что в перерывах между «гопчеркесами» отец наигрывал немцу на немецком пианино «GERSTENBERGER» немецкие марши, которые помнил на слух, тоже по фильмам того времени. Немецкие марши отец чередовал с «Шалахо» на армянский манер, и, возможно, каску на немце я так и не увидел, потому что забежал посмотреть на него как раз в тот момент, когда отец играл ему «Шалахо» на армянский манер, мелодия которого, по-видимому, усиливая действие армянского коньяка, расслабляла, если не сказать обезоруживала, немца, принуждая его к безоговорочной капитуляции, из чего следовало, что каска теперь не нужна, потому что везде уже «Миру – мир!», и «Шалахо» на армянский манер тому подтверждение.

В те времена «Шалахо» на армянский манер некоторыми ресторанными гуляками заказывался музыкантам как «Нежный Шалахо». Нельзя сказать, что обычный, классический «Шалахо»

сильно отличался от «нежного», но, в отличие от последнего, он был более напористым, если не сказать агрессивным...Армянский же вариант «Шалахо» был более миролюбивым, а на фоне немецких маршей приобретал двойную миролюбивость. Между немецкими маршами и «Нежным Шалахо» отец почти не делал пауз, и со стороны могло показаться, что в нашем доме разучивается какой-то особый «Немецкий Шалахо», в хореографический элемент которого входит танец с касками.

Вскоре немец перестал меня интересовать, и я окончательно вернулся во двор играть в «ОБХСС» с соседским мальчиком. По замыслу игры нужно было на машинках возить товар в магазин.

– А это левый товар, – иногда предупреждал Левик, научивший меня этой игре.

Что такое «левый товар» я тогда не понимал, да и не интересовался. Меня самозабвенно занимала красная Левикина машинка, однако в самый разгар игры Левик всегда вдруг резко ее прекращал и, уходя домой со своей машинкой, тихо говорил мне на ухо:

– Все! Закрывай магазин, ОБХСС идет...

Что касается отца, то для него это было почти обычное начало дня, утренний распорядок которого в связи с визитом немецкого гостя не претерпел особых изменений. Для капитана же этот день оказался незабываемым, и уже потом,

тепло попрощавшись с отцом и подарив ему заготовленную для подарка дяде сувенирную настенную тарелочку с изображением теплохода «VOLKERFREUNDSHAFT», капитан, глядя со своего мостика на бухту, пришел к ясному выводу, что с высоты Сухумской горы обзор может быть и шире, но теплота человеческих отношений определяется не шириной обзора, а их глубиной.

Когда отца уже не стало, мама говорила, что наше (немецкое) пианино «GERSTENBERGER» раньше стояло в Новороссийском ресторане, и еще до их женитьбы с отцом он каким-то образом выкупил его у ресторана и привез на теплоходе «РОССИЯ» в Сухуми. Это было красивое, черного цвета старинное пианино с подсвечниками. Сам отец родился в Новороссийске, однако его отношения с конкретным музыкальным инструментом в Новороссийске мне неизвестны, могу лишь предположить, что недалеко от ресторана, в котором стояло пианино, была бильярдная... А вот тому, что это пианино было когда-то выгружено на сухумскую пристань именно с теплохода «РОССИЯ», имеется еще одно свидетельство, уж точно исходящее не из предположений, а из более конкретного и совершенно неожиданного источника.

Приблизительно в начале 2000 года мне сделали внеплановую операцию в Донецке. Утром, на обходе по палатам, рядом с моей больничной койкой присел на стул заведующий хирургиче-

ским отделением, седовласый, высокий человек лет семидесяти. Внешность у него была не славянская, а скорее ближе к нашей. Как впоследствии оказалось, звали его Мухин Юрий Владимирович. Доктор медицинских наук, профессор, хирург. Он уточнил мою фамилию и поинтересовался, не из Сухума ли я. Когда я ответил, что все именно так, он сказал, что он тоже сухумчанин. С его слов, в Сухуми он жил недалеко от отцовского дома Фазиля Искандера, знал его по молодости. Также упомянул футболиста Никиту Симоняна как знакомого ему сухумчанина. В юности в Сухуми он играл в баскетбол, друзьями его были будущие тренеры по баскетболу, сухумчане Владимир Хашба и Александр Седов. Оказывается, в 1947 году он поехал из Сухуми в Одессу поступать в мореходное училище, но прием уже закончился. Однако сухумские друзья по баскетболу порекомендовали ему поступать в Одесский медицинский институт, потому что в этом институте почему-то нужны были баскетболисты. Он поступил, потом женился и по распределению его с женой направили в Донецк. Так он в Донецке и остался жить и работать, но в родной Сухум при возможности всегда приезжал. А тогда, сидя рядом с моей больничной койкой, он еще сказал, что в то время, когда он поступал в институт, его ровестники, мои двоюродные дяди, тоже ехали учиться на врачей в Ростов. Он даже начал

называть по памяти их имена. А вот с одним из моих однофамильцев, молодым, с его слов, человеком, он как-то, отправляясь на очередную сессию на учебу в Одессу, познакомился на теплоходе «РОССИЯ». Не запомнил его имени, говорит, давно было... Но помнит, что тот молодой парень заходил в музыкальный салон парохода поиграть на пианино. И рюмочка конька у него рядом всегда стояла. Они познакомились и до Новороссийска ехали вместе. В Новороссийске этот парень сошел, сказав, что здесь ему надо купить пианино и на обратном пути погрузить его на пароход (для точности – на дизель-электроход) «РОССИЯ». На том и расстались, больше не виделись. Не Сергеем ли его звали, спросил я.

– Да! Да! Сергей! Сейчас вспомнил!

Я точно понял, что это был мой отец, о чем и сказал доктору. Доктор потом выхаживал меня, как родного. Мы, как земляки, стали близкими друг другу людьми и впоследствии я неоднократно бывал в его гостеприимном доме. Домочадцы Юрия Владимировича вспоминают, что время от времени он говорил, что в медицине, как и в сельском хозяйстве делать все нужно вовремя...

«VOLKERFREUNDSCHAFT» медленно разворачивался в сторону открытого моря. Вдруг со своего мостика капитан увидел, что его лайнер шумно обгоняют два глиссера. В первом были музыканты. Один играл на аккордеоне, другой стучал ладоня-

ми по барабану, а третьим был известный сухумский свадебный музыкант, дудукист Мадо. Сейчас он стоя играл на кларнете, извлекая из него мелодию уже знакомого капитану «Шалахо» на армянский манер. А со второго глиссера из сигнальной ракетницы, оставляющей в небе длинный красно-оранжевый след, стрелял в воздух сухумский летчик и всесоюзно известный испытатель парашютов Георгий Каджарян. Рядом с ним из немецкого безобидного пугача «PERFEKTA» в воздух стрелял мой отец. Этот безобидный пугач подарил ему на память близкий друг отца, Николай Кишилов, человек «весьма приятный и обходительный», как характеризовал его в своих воспоминаниях бесценный рассказчик Ираклий Андронников. Отец и меня взял с собой на глиссер, я помню... А вот Смбат Григорьевич, человек широкой души и обширного телосложения, который и подвез всю эту сухумскую компанию на своем черном «Зиме» к уже нетерпеливо пыхтящим у пристани глиссерам, от морской прогулки отказался.

– Лишний груз вам не надо, – сказал он отцу, указывая большим пальцем на свой большой живот. С этим аргументом отец согласился без лишних слов, автоматически вспомнив про отсутствие лишней педали на автомобиле «Волга» с автоматической коробкой передач.

Рассказывали, что как-то заслуженный летчик-парашютист Георгий Каджарян в юбилейный для

советских пионеров день, оторвавшись ненадолго от дружеского застолья, совершил прыжок с «кукурузника» на территорию пионерского лагеря, где его ожидали выстроившиеся в линейку пионеры. Приземлившись точно перед пионерской линейкой и отстегнув лямки парашюта, он не стал приветствовать пионеров по заранее приготовленной бумажке, а уверенно выдал:

– Товарищи пионеры! В борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте... здоровы!

Иногда, на праздник Победы 9 мая он, посвящая свой прыжок этому празднику, прыгал на парашюте с «кукурузника» в море недалеко от ресторана «Диоскурия», на веранде которого за накрытым столом его ожидали друзья. В море Георгия Матевосовича подбирал катерок и доставлял на берег прямо к «Диоскурии», куда он, заблаговременно переодевшись в катере, входил уже в синей форме летчика.

Увидев в небе над морем красно-оранжевый цвет от сигнальной ракетницы и обгоняющие его лайнер два глссера, капитан «ДРУЖБЫ НАРОДОВ» в одном из них сразу узнал отца.

– Gor cherkes! – крикнул ему с мостика капитан и помахал рукой. Отец тоже помахал ему рукой, и глссера, сбавив на пару минут ход, помчались с музыкой дальше, встречать подходящее к берегу пассажирское судно-турбоэлектроход «АБХАЗИЯ»,

тоже трофейное немецкое судно, называвшееся «МАРИЕНБУРГ», потом, в 1954 году получившее название «ЛЕНСОВЕТ» и впоследствии, в 1962 году, переименованное в «АБХАЗИЮ» по ходатайству руководства Абхазской АССР. На этом пассажирском судне моя мама вместе с родственниками сопровождала невесту из Батуми. Вечером должна была состояться свадьба племянника отца, вот отец и решил организовать веселую встречу невесте и своей жене. А заодно и проводить немецкого капитана, как положено.

А через пятьдесят лет, прошедших после тех событий, чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Республике Абхазия Семен Вячеславович Григорьев наградил племянника отца, заслуженного врача-невролога Республики Абхазия, Ивана Николаевича Магакяна и его жену, ту самую «невесту из Батуми», медалью «За любовь и верность».

Но тогда «ДРУЖБА НАРОДОВ» уже на всех сухумских парах уходила в открытое море, держа курс на Кубу.

В двадцатых числах октября 1962 года «VOLKERFREUNDSHAFT», под флагом ГДР, со студентами на борту вошел в Карибское море. В самый разгар Карибского кризиса. А с 10 часов утра 24 октября (что следует из источников) ВМС США начали проводить полную блокаду судов,

следовавших в Карибское море. Охота велась за советскими танкерами, перевозившими на Кубу ракеты. Американские эсминцы вместе с крейсером «NEWPORTNEWS» искали советский танкер «БУХАРЕСТ». 25 октября 1962 года «ДРУЖБА НАРОДОВ» была перехвачена американскими блокадными отрядами. В частности, капитан американского эсминца «JOHN R. PIERS» (DD753), обнаружив «ДРУЖБУ НАРОДОВ», подумал, что это очередной советский танкер. Разобравшись, что это не так, эсминец все же до 22 часов 34 минут (что также следует из источников) продолжал сопровождать немецкий пассажирский лайнер, после чего было принято решение позволить ему пройти курсом на Кубу. И это было единственное в то время судно, которому американцами было позволено дойти до кубинских берегов.

Пережив несколько не самых приятных часов в своей жизни, ровно в 23 часа вечера (что следует не из источников, а из предположений) 25 октября 1962 года капитан теплохода «VOLKERFREUNDSHAFT» откупорил в каюте подаренную ему в Сухуми бутылку армянского коньяка, налил рюмку, выпил, и отдавая самому себе честь в отражении зеркала, громко выпалил: «Gor cherkes!»

Содержание

1

«Я помню дом с обшарпанным двором...»	5
Утро Сухума.....	6
«И закончится дождь...»	7
«Смакует осень тротуары...»	8
«Как постарели сухумчане!..»	9
«По столикам кофейни...»	10
«Как хочется, слоняясь в жаркий день...»	11
Амра.....	13
Сухумский рынок.....	15
Хамса	16
Похвала пахлаве.....	17
Бродяга	19
Мартовская захурма	20
Где парад?.....	21
Песенка про сухумскую походку	22
«В краю, где море с чайками на «ты»...»	24

2

Давайте вспомним Фазиля!	27
«У мамалыжного котла...»	28
Ткварчельский двор.....	29
Мы вернемся сюда	30

Парк Славы.....	31
«А если летопись веков...».....	32
«Безропотна заснеженная тишь...»	33
Возвращение в август.....	34
«И с размаху хлестнет по щеке...»	35
Сонет на сон	36
У живописца в мастерской.....	37
Артвинская кровать.....	38
Гохт	39
Памяти Высоцкого.....	40
Абрек Джо.....	41

3

Субтропический роман	45
----------------------------	----

4

На сухумских парах. <i>Городская быль</i>	53
---	----

Кероп Сергеевич Магакян

НА СУХУМСКИХ ПАРАХ

Редактор, корректор *Ю. Николина*

Верстка, дизайн *Л. Малхасян*

Формат 70x100/32. Тираж 1 000.

Усл. печ. л. 4.

Заказ №

